

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 43–52.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 43–52.

Научная статья
УДК 801.8:81
DOI: 10.37482/2687-1505-V448

Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США

Любовь Анатольевна Каракуц-Бородина¹

Индира Артуровна Авхадиева²✉

^{1,2}Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

¹e-mail: karakuz@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2907-3372>

²e-mail: kate-yolker@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5903-4105>

Аннотация. В статье исследуются методические приемы преподавания русского языка, применявшиеся русско-американским писателем Владимиром Набоковым, и его культуртрегерская деятельность. Авторы рассматривают лингводидактические подходы писателя, который использовал литературу как инструмент освоения языка, уделяя внимание фонетике, ритмике, словообразованию, грамматике и лексике. Особый акцент сделан на его методе транслитерации, позволявшем англоязычным студентам глубже понять фонетические особенности русского языка. Анализируются комментарии В. Набокова к «Евгению Онегину», переводы и лекции по русской литературе, демонстрирующие его педагогическую стратегию. Владимир Набоков, как билингвальный писатель, стремился передать тончайшие нюансы русского языка в своих англоязычных произведениях. Его внимание к языковой игре, ритмико-метрическим структурам и стилистической выразительности подчеркивает его стремление к музыкальности текста. Набоков выступал культурным посредником между русскоязычной и англоязычной аудиториями. Его подход к передаче смысловых и художественных оттенков оценивается в свете современных исследований межкультурной коммуникации и перевода. Отмечается, что его методы преподавания, ориентированные на тонкое восприятие языка, могут быть полезны не только для изучения русского языка как иностранного, но и для более глубокого понимания механизмов билингвизма, литературного перевода и межкультурной коммуникации. Важной особенностью его педагогики является внимание к интертекстуальности и культурной метафоре как механизмам углубленного восприятия языка. Кроме того, рассматривается возможность использования его методик в современных образовательных программах. Набоковский подход к обучению языку подчеркивает важность культурного контекста, многослойности смысла и художественного восприятия текста, что делает такой подход уникальным в истории преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: Владимир Набоков, билингвизм, межкультурная коммуникация, лингводидактика, литературный перевод, русская литература, русский язык как иностранный, преподавание русской словесности в США

Для цитирования: Каракуц-Бородина, Л. А. Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США / Л. А. Каракуц-Бородина, И. А. Авхадиева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 43–52. – DOI 10.37482/2687-1505-V448.

Original article

Vladimir Nabokov as a Kulturträger: Teaching Russian in the USA

Lyubov A. Karakuts-Borodina¹

Indira A. Avkhadieva²✉

^{1,2}Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

¹e-mail: karakuz@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2907-3372>

²e-mail: kate-yolker@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5903-4105>

Abstract. The article examines the methodological techniques of teaching Russian as a foreign language employed by the Russian and American writer Vladimir Nabokov and his activity as a culture bearer. Further, it explores Nabokov's linguodidactic approaches, since he used literature as a language acquisition tool, paying special attention to phonetics, rhythm, word-formation, grammar, and vocabulary. Particular emphasis is placed on his method of transliteration, which allowed English-speaking students to gain a deeper understanding of Russian phonetics. In addition, the paper analyses Nabokov's commentary on *Eugene Onegin*, his translations and lectures on Russian literature, demonstrating his teaching strategy. Being a bilingual writer, Nabokov sought to convey the finest nuances of the Russian language in his English-language works. His attention to language game, rhythmic and metric structures as well as stylistic expressiveness highlights his pursuit of textual musicality. Nabokov's approach to conveying semantic and artistic subtleties is considered here in the light of contemporary studies on interlingual communication and translation. His pedagogical methods, focused on nuanced language perception, are noted to be valuable not only for teaching Russian as a foreign language, but also for a more profound understanding of bilingualism, literary translation and intercultural communication. An important feature of Nabokov's pedagogical approach is the emphasis on intertextuality and cultural metaphor as mechanisms for better language perception. Additionally, the applicability of his methods in contemporary educational programmes is considered. Nabokov's approach to language instruction underscores the importance of cultural context, multilayered meaning and artistic perception of text, making his contributions unique in the history of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Vladimir Nabokov, bilingualism, intercultural communication, linguodidactics, literary translation, Russian literature, Russian as a foreign language, teaching Russian in the USA

For citation: Karakuts-Borodina L.A., Avkhadieva I.A. Vladimir Nabokov as a Kulturträger: Teaching Russian in the USA. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 43–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V448

Введение. Словари и энциклопедии аттестуют Владимира Набокова в первую очередь как писателя, поэта, переводчика, литературного критика и энтомолога (подробный и емкий обзор разных ипостасей Набокова см., например, в работе [1]). Однако важной областью

его деятельности была и преподавательская. И речь не только о том, что в колледже Уэллсли Набоков был внештатным преподавателем художественного сочинения, а в Корнеллском университете – адъюнкт-профессором славянской литературы¹. Он являлся препо-

¹Бишоп М. Набоков в Корнеллском университете // Звезда. 1999. № 4. С. 152–156.

давателем-универсалом с молодого возраста. «Владимиру все чаще приходилось зарабатывать на жизнь уроками – французского, английского, тенниса и даже бокса, – делясь со своими учениками тем, что дала ему богатая и культурная русская семья», – писал Б. Бойд про события 1922 года, когда Владимиру исполнилось всего 23 [2, с. 233]. Набоков также был превосходным лепидоптерологом, гениальным игроком в шахматы, метафизиком, критиком и переводчиком [3, с. 172]. В 1944 году он облек в стихи лекцию о русском стихосложении («Вечер русской поэзии»)². «Перевод» и «стиль» – ключевые термины набоковедения [4, с. 201], но важно то, что, стремясь передать своему разноязычному читателю и слушателю нюансы русских текстов, Набоков, как представляется, приобрел еще одну ипостась.

Предметом нашего обсуждения будет Набоков как преподаватель русского языка. Его английский язык, по меткому выражению О. Осмухиной, «просвечивает» русским [5, с. 73]. Таким образом, думается, Набоков, помимо прочего, вел деятельность, которую можно было бы назвать преподаванием русского языка как иностранного, используя те приемы, что входят в репертуар преподавателей только сегодня [6].

Цель настоящей статьи – рассмотреть методические приемы преподавания русского языка, которые применял В. Набоков, и его культуртрегерскую деятельность.

Фонетика. Слуховой образ предельно важен для Набокова (см., например: [7]) – он, без преувеличения, дал миру услышать звук русской речи. Он неустанно детализировал, как звуки и буквы русского языка воспринимаются и передаются на других языках. Студентка Набокова вспоминала его занятия как школу «пристально-го» [8] чтения: «Он говорил нам, что произносит “Евгений Онегин” скрупулезно, по правилам английского языка – как “Юджин Уан Джин” (что означает “Юджин, один стакан джина”))»³.

Безусловно, важнейшим текстом в этом смысле являются набоковские комментарии к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где с исключительным буквализмом и порой весьма многословно объяснены не только историко-культурные, но и фонетические особенности исходного текста, дана его, что называется, инструментовка [9]. Особое внимание уделяется транслитерации (об этом много пишет С. Швабрин [10]). 3. Шаховская восхищается следующим набоковским комментарием к «Евгению Онегину»: «Из примечаний к транслитерации наугад приведу одно, в моем переводе, о произношении русской буквы В для англо-американских студентов. В, как в Виктории, но перед глухой согласной и в конце слова В переходит в звук Ф. Пример: *булавка* рифмуется с *Кафка*, *нрав* с *телеграф*, но *своенравный* и *телеграфный* не рифмуются» [11, с. 68]. Здесь Набоков объясняет, как конечный звук «з» в русском языке может переходить в «с» в определенных словах, таких как «сказка» и «ласка», а буква «й» появляется только в определенных фонетических контекстах, таких как дифтонги. Он иллюстрирует это словами «тайна» и «бой» и делает сравнение с французским и английским звучанием: «The Russian *zh* or *zhzh* (identically sounded) would be transliterated *j* in French, which a German would pronounce as our *y*; hence *zhzhyonka* = *yonka*»; «I omit the soft sign in Russian names (*Bolshoy* instead of *Bol'shoy*, *Olga* instead of *Ol'ga*, *Gogol* instead of *Gogol'*), unless such names appear in lines of Russian or in other phrases that require exact transliteration in my Commentary»⁴.

Так скрупулезно Набоков разбирает весь русский алфавит, проводя огромную сопоставительную работу с 4 языками: английским, немецким, французским и итальянским.

В качестве основного инструмента этого анализа Набоков использует транслитерацию: «I was confronted, for instance, with the following opening line of one of Pushkin's most prodigious poems:

²Nabokov V. An Evening of Russian Poetry // The New Yorker. 1945. Vol. 21, № 3. P. 23.

³Грин Х. Мистер Набоков // Америка. 1978. № 258. С. 47–50.

⁴Nabokov M. Method of Transliteration // Pushkin A.S. Eugene Onegin: A Novel in Verse. Princeton: Bollingen Press, 1964. Vol. 1. P. xx.

Yah pom-new chewed-no-yay mg-no-vain-yay. I have rendered the syllables by the nearest English sounds I could find; their mimetic disguise makes them look rather ugly; but never mind; the *chew* and the *vain* are associated phonetically with other Russian words meaning beautiful and important things, and the melody of the line with the plump, golden-ripe *chewed-no-yay* right in the middle and the *m*'s and *n*'s balancing each other on both sides, is to the Russian ear most exciting and soothing – a paradoxical combination that any artist will understand⁵; «*Yah pom-new* is a deeper and smoother plunge into the past than “I remember”, which falls flat on its belly like an inexperienced diver; *chewed-no-yay* has a lovely Russian “monster” (*chúdo*) in it; and a whispered “listen” (*chu!*); and the dative ending of a sunbeam (*luchú*), and many other fair relations among Russian words»⁶. Детализации помогали студентам и переводчикам не только понять, но и физически ощутить, как должны звучать пушкинские строки.

Однако в качестве преподавателя-фонетиста Набоков выступал не только с университетской кафедры, но и в своих художественных текстах. В частности, в первом американском рассказе «Ассистент режиссера», как убедительно показывает в своей остроумной статье А.О. Дроздова, «В. Набоков развивает мысль о том, что гениальный писатель способен передать уникальный сенсорный, эстетический и языковой опыт в обход коммуникативных ограничений» [12, с. 130], в т. ч. транслируя, например, русский акцент говорящего на английском. Более того, будучи отлученным от родного языка, Набоков актуализировал «русскую литературную традицию как такую модель, в которой все смыслы уже присутствуют, нужно лишь их проявить подобно негативу» [13, с. 164]. Впрочем, эта идея относительно Набокова справедлива и для всей мировой культуры: так, с помощью всего лишь одного имени в рассказе «Месть» писатель подсвечивает цепочку претекстов, включая Новый

Завет и драмы Шекспира [14]. Это становится возможным благодаря структурной организации его романов: «Начиная с “Машеньки”, “Соглядатая”, “Подвига” Набоков разрушает традиционное для реализма восприятие действительности как одномерного пространства в пользу игры разных смыслов, литературных кодов, приемов языка» [15, с. 215].

Ритмо-метрика. Набоков был известен своей преданностью буквализму в переводе. Для него перевод должен был представлять собой точную копию оригинала (возможно, неуклюжую и трудночитаемую, но полностью соответствующую исходному смыслу), должен быть «примером буквализма в прямом значении слова» [16, с. 96]. Однако известны случаи и противоположного характера. Так, пушкинское «Я Вас любил...» в набоковском переводе открывается «eyebrow raising», как отмечает Б. Бойд: *I worshipped you...* [17, с. xxxiii]. И хотя Бойд далее объясняет этот выбор созвучием со словами «wordlessly», «hopelessly» [17, с. xxxiv], при прочтении целого особенно бросается в глаза версификация как основная причина и цель такого выбора; дальнейшее *ember – remember* лишь подтверждает это. Заметим, что, переводя пушкинское «Я Вас любил...» как «*I worshipped you...*», Набоков переосмысляет пушкинскую строчку, добавляя новое измерение: идея «поклонения» является концептом поклонения женщине как феминному мифологическому архетипу.

Здесь же, вероятно, кроются и мотивы выбора итальянского *speranza*, полностью совпадающего по ритмике с русским *надежда*, при переводе «Сентиментальной баллады» Б. Окуджавы: «*Speranza, I'll be coming back, / The day the bugler sounds retreat*» [18, с. 360]. *Speranza* вписывается в ямбическую ритмику и по количеству слогов и ударности полностью совпадает с русским тематическим словом, непроницаемым по-английски: «*The bilingual reader will note that I could not force myself either to use the name*

⁵*Nabokov V. The Art of Translation // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by B. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. 9.*

⁶*Ibid. P. 10.*

“Nadezhda” (unpronounceable in English) or turn it into the stiff, long-faced, long-aproned “Hope”, hence my “Speranza” which reenacts dazzlingly the eloquent lilt of the original» [18, с. 361].

Словообразование. Иногда Набоков преподносит информацию не напрямую, а проводя изящные параллели, как будто между прочим воспроизводя эстетику анализируемого текста. Например, рассуждает о том, как герои Гоголя с легкостью переименовывают названия игровых карт, превращая черви в червоточину, а пики – в пикенции, пикендрасы, пичуры или пичурушуху. В этом контексте Набоков непринужденно вводит в обиход глагол «гоголизироваться»: «But after reading Gogol one’s eyes may become gogolized»⁷.

Набоков выделяет в этих словах латинские и греческие окончания, а также отмечает их «орнитологический оттенок». В одном из примеров, как он замечает, птица превращается в доисторического ящера, что, по его словам, переворачивает ход эволюции. При этом он приходит к нетипичному для своей концепции заключению: Гоголь ввел эти слова в текст, чтобы подчеркнуть уровень интеллекта тех, кто ими пользуется, то есть типичных чиновников [19, с. 211].

Грамматика. Отвечая на вопрос о разнице между окончаниями «ой» и «ою» в русском творительном падеже, Набоков подчеркивает: «Most Russian writers use both *-ой* and *-ою* indiscriminately, which I deplore. There seems to be something vaguely similar to this in the use of “which” and “that” in the case of some English authors. Tolstoy was the greatest offender; he often flaunts both endings in the same sequence of adjectives and nouns. “За желтою нивой и за широкою сонной рѣкою” is an extreme example. I presume Chav[chavadze] thought you were speaking of verse. In my own prose, being at heart a pedant, I stuck to *-ой* unless there was some

special “musical” reason for prolonging the whine of the instrumental»⁸.

Эта «музыкальная» необходимость, как Набоков ее называет, важна в литературе, особенно в стихах, где звучание слов играет не меньшую роль, чем их значение. Замечание писателя указывает на то, что языковые особенности могут быть как грамматическим, так и эстетическим выбором, подчиняющимся задачам художественного текста.

Лексика. Л.И. Богданова обсуждает тезис о том, что различные семантические области «осваиваются» языком в разной степени, иллюстрируя тезис знаменитым пассажем Набокова из послесловия к «Лолите»: «Свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоположенным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским»⁹. По мнению Л.И. Богдановой, в данном высказывании обозначены когнитивно уязвимые зоны русского языка, такие как техника, мода, спорт, естественные науки и др. Разумеется, этот перечень не исчерпывает всех семантически недостаточно разработанных областей русского языка [20, с. 11].

Несколько русских слов Набоков считал непереводимыми: *тоска* – «ни одно слово на английском языке не может передать все нюансы тоски»¹⁰; *пошлость* – «откройте любой журнал, и вы обязательно найдете пример этого: семья купила радио... Пошлость такой сцены проис-

⁷Nabokov V. Nikolai Gogol. N. Y.: New Directions, 1961. 172 p.

⁸Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971 / ed. by S. Karlinsky. Univ. California Press, 2001. P. 262.

⁹Набоков В.В. Лолита. М.: Водолей, 1991. С. 526.

¹⁰Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина: пер. с англ. / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. С. 151.

ходит не от ложного преувеличения достоинства конкретного объекта, а из предположения, что такую радость можно купить и что такая покупка облагораживает покупателя»¹¹.

Роман «Ada or Ardor: A Family Chronicle» (1969) содержит сложную систему отсылок к русским культурным реалиям, организованную с помощью транслитераций (подробнее см.: [21]), которые вписаны в английский текст. Немало подобных игр (они разбираются, например, у Д.Б. Джонсона [22]) и в «Pale Fire». Конечно, для билингвов такой текст имеет многослойную смысловую структуру [23] и дарит особое удовольствие от текста [24], но для тех, кто владеет только одним языком, элементы другой графики создают эффект остранения, вытеснения.

При этом даже кажущиеся чисто игровыми на первый взгляд элементы-билингвемы реализуют дидактическую функцию, поскольку помогают запомнить тот или иной лексический материал: «Julia shook hands with him and begged him to pray for her when she would be saying to that very passionate, very prominent poet *je t'aime* in Russian which sounded in English (gargling with the phrase) 'yellow blue tibia'»¹².

Набоков полагал, что невозможно овладеть русским языком, не погрузившись в русскоязычную литературу. Он использовал тексты Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Достоевского как ключ к пониманию языка, стараясь передать своим студентам ощущение нюансов, заложенных в каждом слове и выражении¹³. На занятиях он разбирал тонкие аспекты стиля и ритма, объясняя, как эти элементы передают сложные культурные и эмоциональные оттенки, отображающие одновременно, согласно эффектному выражению Е.И. Самородницкой, перевод, оригинал и недостижимый идеал [25].

Все эти наблюдения Набокова объединены его скрупулезным подходом к сохранению зву-

ковых и семантических особенностей языка. Для описания фонетических трудностей и анализа грамматических нюансов он создавал сложные, но понятные модели, позволяющие англоязычным читателям и переводчикам оценить богатство русского языка. Это делает его работы ценным вкладом в билингвистическое понимание и преподавание.

Заключение. Набоков создал уникальную методику преподавания, которая не ограничивалась только изучением грамматики и лексики. Он давал своим студентам и читателям инструменты для глубокого понимания языка, включая лексические, культурные и исторические контексты. Его подход к переводу и преподаванию стал примером того, что язык может быть не просто средством общения, но и объектом искусства, требующим тщательного и тонкого подхода. Совместив амплуа писателя, литературоведа и преподавателя русского, т. е. став воплощением педагогического синкретизма [26], Набоков обучал своих студентов через введение в многомерное дискурсивное пространство [27], пространство культурного диалога [28].

Своего читателя он обучал русской словесности, предлагая увлекательную игру со словами и текстами разных языков: «...при чтении Набокова возникает соблазн попытаться сравняться с ним в остроумии, сыграть в его игру и если не обыграть мастера, то по крайней мере показать хорошие результаты» [29, с. 148]. К этому располагала сама атмосфера эпохи, с так живо воспринятой и даже предвосхищенной Набоковым поэтикой аллюзии, интертекстуальной игры [30].

В качестве преподавателя русского языка как иностранного Набоков выступал культурным мостом между русским языком и западной публикой. Не случайно в письме 1959 года к Е. Сикорской он говорит: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за

¹¹«Деспот в своем мире». Интервью Владимира Набокова газете «Цайт» // Иностр. лит. 2017. № 6. С. 145–152.

¹²Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газ., 1996. 440 с.

¹³Nabokov V. Transparent Things. McGraw-Hill, 1972. P. 13.

все, что я сделал по отношению к ее небольшой по объему, но замечательной по качеству сложенности»¹⁴.

Набоковские лингводидактические находки вполне могут быть и сегодня использованы в практике преподавания русского языка как иностранного на всех уровнях.

Таким образом, подход Набокова к педагогике не сводится к привычным методам, а форми-

рует уникальную парадигму обучения, где язык становится пространством культурного, художественного и личностного взаимодействия. Данный опыт служит кладезем методических и философских идей для сегодняшней лингводидактики. В перспективе он способен послужить основой междисциплинарных изысканий, объединяющих филологию, педагогику и культурологию.

Список литературы

1. Карпов Н.А. Владимир Набоков: к бессмертию через слово // Мир рус. слова. 2019. № 1. С. 115–120. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11115>
2. Бойд Б. Владимир Набоков: в 2 т. / пер. с англ. Г. Лапиной. Т. 1. Русские годы. М.: Независимая газ.; СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.
3. Pinfan Zhu. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership // IJLLT. 2020. Vol. 3, № 12. P. 172–180. <https://doi.org/10.32996/ijllt.2020.3.12.21>
4. Орехов Б.В. Тексты и переводы Владимира Набокова через призму стилеметрии // Новый филол. вестн. 2021. № 3(58). С. 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200
5. Осьмухина О.Ю. Набоков-переводчик / Набоков-писатель: специфика взаимодействия // Art Logos. 2019. № 2(7). С. 67–75.
6. Левина Г.М. Специфика преподавания РКИ в цифровую эпоху: моногр.: в 2 ч. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. Ч. 1. 180 с.; Ч. 2. 233 с.
7. Горбачева И.А., Николаев П.А. Фонэстетические приемы в «Игровой поэтике» текстов В.В. Набокова // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–76.
8. Гиляревский Р.С. Владимир Набоков о чтении // Тр. СПбГИК. 2020. Т. 220. С. 196–202.
9. Коровина К.Г. Особенности комментариев В.В. Набокова (на материале комментариев к переводу «Евгения Онегина») // Изв. ВГПУ. 2019. № 5(138). С. 211–215.
10. Shvabrin S. Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue. Toronto: Univ. Toronto Press, 2019. 420 p. <https://doi.org/10.3138/9781487516390>
11. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 178 с.
12. Дроздова А.О. Художник-шпион в рассказе В. Набокова «Ассистент режиссера»: репрезентация сенсорного и эстетического опыта // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. 2024. № 3. С. 130–135.
13. Хаткова И.Н., Донец А.А. Интертексты русской классики XIX века (Пушкин, Чернышевский) в романе В. Набокова «Дар» // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 4(267). С. 161–167.
14. Ковалев Б.В., Жуков А.П. Имена собственные в рассказе Набокова «Месть»: семантика и претексты // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 2. С. 56–64.
15. Николаев С.Г. Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвизме в поэзии) // Relga. 2005. № 2(104). URL: <https://relga.ru/articles/323/> (дата обращения: 22.04.2025).
16. Зверев А.М. Набоков. М.: Молодая гвардия, 2004. 451 с.
17. Boyd B. Introduction // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by B. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. xix–xxxv.
18. On Bulat Okudzhava // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by B. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. 359–361.

¹⁴Набоков В.В. Лекции по русской литературе; *Его же*. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газ., 1999. 440 с.

19. Белова Т.Н. В.В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Рус. зарубежье. 2013. № 2. С. 204–220.
20. Богданова Л.И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2008. № 4. С. 11–17.
21. Каракуц-Бородина Л.А. Набоков транслитерирующий: от языковой игры к межкультурному посредничеству // Набоковский сборник: материалы науч. прогр. «Набоковские чтения» Музея В.В. Набокова СПбГУ / сост. и общ. ред. М.Д. Шпраер, Т.О. Пономаревой, Д.И. Сергеева. СПб., 2015. № 2. С. 206–219.
22. Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова / пер. с англ. Т. Стрелковой. СПб.: Симпозиум, 2011. 352 с.
23. Epstein M. Good-Bye to Objects, or, the Nabokovian in Nabokov // A Small Alpine Form: Studies in Nabokov's Short Fiction / ed. by G. Barabtarlo, C. Nicol. N. Y., 1993. P. 217–224.
24. Барт Р. Удовольствие от текста. М.: Ad Marginem, 2025. 112 с.
25. Самородническая Е.И. Перевод, оригинал и недостижимый идеал: случай В. Набокова // Шаги/Steps. 2019. Т. 5, № 3. С. 241–245.
26. Юлдашева Г.Н. Цифровые особенности обучения РКИ в аспекте педагогического синкретизма // Уч. зап. Худжанд. гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Гуманит. науки. 2023. № 4(77). С. 69–73.
27. Линник Л.А., Петросян М.М. Иноязычное дискурсивное пространство и его интеграционный потенциал // Primo aspectu. 2024. № 4. С. 52–56.
28. Ганин В.Н., Киселев П.А. Два варианта романа В.В. Набокова «Лолита»: диалог русской и английской словесности // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2020. № 3(68). С. 99–107.
29. Вир Д. Автор как герой: личность и литературная традиция у Булгакова, Пастернака и Набокова / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Acad. Stud. Press: Библиороссика, 2023. 231 с. (Сер.: Современ. зап. русистика).
30. Белова Т.Н. Постмодернистские аспекты художественного и литературно-критического наследия В.В. Набокова // Лит. зарубежье как культур. феномен. 2019. № 2. С. 77–104.

References

1. Karpov N.A. Vladimir Nabokov: k bessmertiyu cherez slovo [Vladimir Nabokov: A Way to Immortality Through the Word]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 1, pp. 115–120. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11115>
2. Boyd B. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton, 1990. 607 p. (Russ. ed.: Boyd B. *Vladimir Nabokov. T. 1. Russkie gody*. Moscow, 2010. 695 p.).
3. Pinfan Zhu. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership. *IJLLT*, 2020, vol. 3, no. 12, pp. 172–180. <https://doi.org/10.32996/ijllt.2020.3.12.21>
4. Orekhov B.V. Teksty i perevody Vladimira Nabokova cherez prizmu stilemetrii [Text and Translation by Vladimir Nabokov Through the Prism of Stylemetry]. *Novyy filologicheskij vestnik*, 2021, no. 3, pp. 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200
5. Os'mukhina O.Yu. Nabokov-perevodchik / Nabokov-pisatel': spetsifika vzaimodeystviya [Nabokov-Translator / Nabokov-Writer: Specificity of Interaction]. *Art Logos*, 2019, no. 2, pp. 67–75.
6. Levina G.M. *Spetsifika predavaniya RKI v tsifrovuyu epokhu* [Teaching Russian as a Foreign Language in a Digital Era]. Saratov, 2019. Pt. 1. 180 p.; Pt. 2. 233 p.
7. Gorbacheva I.A., Nikolaev P.A. Fonesteticheskie priemy v "Igrovoy poetike" tekstov V.V. Nabokova [Phonesthetic Techniques in V.V. Nabokov's "Game Poetics" Texts]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 66–76.
8. Gilyarevskiy R.S. Vladimir Nabokov o chtenii [Vladimir Nabokov on What Is a Good Reading]. *Trudy SPbGIK*, 2020, vol. 220, pp. 196–202.
9. Korovina K.G. Osobennosti kommentariy V.V. Nabokova (na materiale kommentariy k perevodu "Evgeniya Onegina") [Specificities of V. Nabokov's Comments (Based on Comments on the Translation of "Eugene Onegin")]. *Izvestiya VGPU*, 2019, no. 5, pp. 211–215.

10. Shvabrin S. *Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue*. Toronto, 2019. 420 p. <https://doi.org/10.3138/9781487516390>
11. Shakhovskaya Z.A. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniya* [In Quest of Nabokov. Reflections]. Moscow, 1991. 178 p.
12. Drozdova A.O. Khudozhnik-shpion v rasskaze V. Nabokova “Assistent rezhissera”: reprezentatsiya sensornogo i esteticheskogo opyta [The Artist-Spy in V. Nabokov’s Short Story “The Assistant Producer”: The Representation of Sensorial and Aesthetic Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 130–137 (in Russ.).
13. Khatkova I.N., Donets A.A. Interteksty russkoy klassiki XIX veka (Pushkin, Chernyshevskiy) v romane V. Nabokova “Dar” [Intertexts of Russian Classics of the 19th Century (Pushkin, Chernyshevsky) in V. Nabokov’s Novel “Gift”]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2020, no. 4, pp. 161–167.
14. Kovalev B.V., Zhukov A.P. Imena sobstvennyye v rasskaze Nabokova “Mest”: semantika i preteksty [Proper Names in the Story of V.V. Nabokov “Revenge”: Semantics and Pretexts]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2020, no. 2, pp. 56–64.
15. Nikolaev S.G. Inoyazychie kak metakomponent khudozhestvennogo teksta (k voprosu o bilingvme v poezii) [Foreign Languages as a Meta-Component of a Literary Text (on Bilingual Units in Poetry)]. *Relga*, 2005, no. 2. Available at: <https://relga.ru/articles/323/> (accessed: 22 April 2025).
16. Zverev A.M. *Nabokov*. Moscow, 2004. 451 p. (in Russ.).
17. Boyd B. Introduction. Boyd B., Shvabrin S. (eds.). *Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry*. Orlando, 2008, pp. xix–xxxv.
18. On Bulat Okudzhava. Boyd B., Shvabrin S. (eds.). *Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry*. Orlando, pp. 359–361.
19. Belova T.N. V.V. Nabokov – issledovatel’ russkoy literatury (osobennosti kriticheskogo podkhoda) [Nabokov as an Investigator of Russian Literature (His Critical Approach)]. *Russkoe zarubezh’e*, 2013, no. 2, pp. 204–220.
20. Bogdanova L.I. Inoyazychnoe slovo v kontekste russkoy kul’tury: kognitivnyy aspekt [Foreign Words in the Context of Russian Culture: The Cognitive Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 2008, no. 4, pp. 11–17.
21. Karakuts-Borodina L.A. Nabokov transliteriruyushchiy: ot yazykovoy igry k mezhkul’turnomu posrednichestvu [Nabokov the Transliterator: From Language Game to Intercultural Mediation]. Shraer M.D., Ponomareva T.O., Sergeev D.I. (eds.). *Nabokovskiy sbornik* [Collected Papers on Nabokov]. St. Petersburg, 2015, no. 2, pp. 206–219.
22. Johnson D.B. *Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985. 223 p. (Russ. ed.: Dzhonson D.B. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova*. St. Petersburg, 2011. 352 p.).
23. Epstein M. Good-Bye to Objects, or, the Nabokovian in Nabokov. Barabtarlo G., Nicol C. (eds.). *A Small Alpine Form: Studies in Nabokov’s Short Fiction*. New York, 1993, pp. 217–224.
24. Barthes R. *Le plaisir du texte*. Paris, 1973. 108 p. (Russ. ed.: Bart R. *Udovol’sstvie ot teksta*. Moscow, 2025. 112 p.).
25. Samorodnitskaya E.I. Translation, the Original Text and the Unattainable Ideal: The Case of V. Nabokov. *Steps*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 241–245 (in Russ.).
26. Yuldasheva G.N. Tsifrovye osobennosti obucheniya RKI v aspekte pedagogicheskogo sinkretizma [Digital Features of Russian as a Foreign Language Teaching in the Context of Pedagogical Syncretism]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*, 2023, no. 4, pp. 69–73.
27. Linnik L.A., Petrosyan M.M. Inoyazychnoe diskursivnoe prostranstvo i ego integratsionnyy potentsial [Foreign Language Discursive Space and Its Integrative Potential]. *Primo aspectu*, 2024, no. 4, pp. 52–56.
28. Ganin V.N., Kiselev P.A. Two Variants of “Lolita” by V.V. Nabokov: A Dialogue of Russian and English Literatures. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2020, no. 3, pp. 99–107 (in Russ.).

29. Weir J. *The Author as Hero: Self and Tradition in Bulgakov, Pasternak, and Nabokov*. Evanston, 2002. 147 p. (Russ. ed.: Vir D. *Avtor kak geroy: lichnost' i literaturnaya traditsiya u Bulgakova, Pasternaka i Nabokova*. St. Petersburg, 2023. 231 p.).

30. Belova T.N. Postmodernistskie aspekty khudozhestvennogo i literaturno-kriticheskogo naslediya V.V. Nabokova [Postmodernist Aspects of V. Nabokov's Literary and Critical Heritage]. *Literaturnoe zarubezh'e kak kul'turnyy fenomen*, 2019, no. 2, pp. 77–104.

Информация об авторах

Л.А. Каракуц-Бородина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации Башкирского государственного медицинского университета (адрес: 450059, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 50).

И.А. Авхадиева – старший преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации Башкирского государственного медицинского университета (адрес: 450059, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 50).

Information about the authors

Lyubov A. Karakuts-Borodina, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of Russian Language, Linguistics and International Communication, Bashkir State Medical University (address: ul. Karla Marksa 50, Ufa, 450059, Russia).

Indira A. Avkhadiyeva, Senior Lecturer, Department of Russian Language, Linguistics, and International Communication, Bashkir State Medical University (address: ul. Karla Marksa 50, Ufa, 450059, Russia).

Поступила в редакцию 04.02.2025

Одобрена после рецензирования 22.05.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Submitted 4 February 2025

Approved after reviewing 22 May 2025

Accepted for publication 27 May 2025